

Социалистическое общество одним из первых нарисовал Платон. В дальнейшем мечты о создании подобного общественного устройства возникали в разные эпохи и в разных странах. Но суть социалистического идеала оставалась неизменной. Это ликвидация частной собственности на средства производства и организация хозяйства на общественных началах. Соответственно, любые мероприятия, направленные на ограничение частной собственности и усиление общественного (государственного) вмешательства в экономику считались «социалистическими».

Сложнее с определением понятия «либерализм», поскольку в политическом обиходе дореволюционной России либералами называли не только (и не столько) приверженцев определенного социально-политического учения, сколько умеренных противников самодержавия вообще. Поэтому И.В. Нарский предлагает толковать российский либерализм предельно широко — как «умеренные течения освободительного движения в России». Что же касается принципиальных признаков либерализма, то, например, Б.Г. Капустин утверждает, что «невозможно или бессмысленно какое-либо общее содержательное определение» его. Разумеется, существует не один, а несколько типов либерализма¹. Однако у них есть нечто общее — это понимание индивидуальной свободы человеческой личности как высшей ценности. Таковую свободу, то есть независимость от принудительного воздействия чужого произвола, обеспечивает неприкосновенность частной собственности (принцип «мой дом — моя крепость»). Этот идеологический фундамент классического либерализма был заложен еще Аристотелем, который в «Политике» оспорил социалистические идеи Платона. Что касается современной политической мысли Запада, то наиболее развернутое обоснование связи между «собственностью» и «свободой» дал Р. Пайпс².

Итак, либерализм защищает независимость и собственность личности от принудительного воздействия общества (государства). Соответственно, все, что имеет целью укрепить принцип неприкосновенности частной собственности и ослабить общественное (государственное) вмешательство в экономику можно называть «либеральным».

Однако свобода каждой личности имеет свои естественные пределы, общество через государственные институты всегда стремится ограничить ее

Селезнев Федор Александрович — кандидат исторических наук, доцент. Нижегородский государственный университет.

22

известными рамками. Точно так же здравый смысл и «общественная польза» иногда требуют от государства нарушать неприкосновенность частной собственности. Иначе говоря, в практике любой власти неизбежно проявляются социалистические элементы. Но и либеральные элементы в новое время в той или иной степени имелись в идеологическом вооружении большинства политических сил, даже таких, как РСДРП, программа которой содержала требования «неограниченной свободы совести, слова, печати». Преобладание либеральных или социалистических элементов и определяет идеологическую «физиономию» той или иной политической силы (партии).

Для буржуазии, естественно, привлекательнее либеральные, нежели социалистические идеи. В России начала XX в. носителями идей «буржуазного либерализма» считают прежде всего конституционных демократов. В качестве примера можно сослаться на мнение Ж.Ю. Пушкаревой, которая полагает, что «конституционно-демократическая партия наиболее ярко воплощала идеологию буржуазного либерализма»³. В то же время в 1990-е годы появились работы, где отмечается наличие во взглядах кадетов социалистических элементов. В частности, по мнению В.А. Кувшинова, кадеты имели основания утверждать, что их программа — это программа-минимум РСДРП. Он также

приводит примеры сотрудничества кадетов и социалистов, связей между ними, отмечает симпатии части кадетов социалистической идее «в ее реформистском варианте»: многие кадеты «признавали прогрессивность социалистической идеи, ограничения частной собственности, государственного регулирования рыночной экономики»; они фактически стали авторами «идеи конвергенции» (то есть постепенного сближения капиталистической и социалистической систем с превращением в общество смешанного типа, синтезирующее в себе положительные стороны обеих систем) 4.

Доказательства социалистических симпатий конституционных демократов приведены в статье А.И. Сперкача, который отмечает «изначальное влияние социалистической доктрины на все стороны деятельности партии». Проблему воздействия социалистической идеологии на кадетов затрагивали также С.В. Леонов и В.И. Седугин 5.

Вопрос об отношении конституционных демократов к социалистическим идеям относится к числу дискуссионных. Социализм, а значит — перспектива ликвидации частной собственности и исчезновение буржуазии как класса, не может быть идеологией буржуазии и буржуазной партии. Сторонникам «буржуазности» кадетизма приходится отрицать сколько-нибудь значительное влияние социалистической идеологии на эту партию. О.А. Харусь, например, считает, что Кувшинов преувеличивает значимость социалистических ориентиров в идеологии и программе кадетов. По ее мнению, хотя конституционные демократы воспринимали «без шока», а в ряде случаев и «с явным одобрением» прогнозы сторонников бернштейнианской концепции социализма, «избранный кадетами вектор модернизации России все же имел однозначно капиталистическую направленность» 6.

Традиция определять конституционных демократов как защитников капитализма и «буржуазных» либералов была заложена еще в публицистике 1905—1917 годов, у В.И. Ленина, и продолжена советской историографией 1920—1930-х годов. В целом, она до сих пор является доминирующей. Некоторые представители западной историографии предпочитали именовать членов этой партии не либералами, а «радикалами». «Трагедией Милюкова было то, что он считал себя либералом, а на самом деле был радикалом», — писал Л. Шапиро. «Радикалов»-кадетов противопоставлял «либералам»-октябристам В.В. Леонтович 7. Но обычно западные историки все же именовали кадетов «либералами».

При этом им приходилось все же отмечать несходство западных либералов и кадетов. По мнению Дж. Фишера, русские либералы имели больше общего с испанскими или греческими либералами 1820 г. или современными либералами Азии или Латинской Америки, чем с западноевропейскими либералами 1860—1905 годов. Отмечалось и влияние на кадетов социалиста-

23

ческой идеологии. По словам У.Г. Розенберга, «они много больше походили на марксистов, чем были русским эквивалентом последователей Гладстона». Ш. Галай отмечает близость социальных пунктов кадетской программы «программе минимум... социалистических партий — социал-демократической и эсеровской» 8.

Стремясь объяснить эти и другие особенности либерального движения в России, советская историография выдвинула концепцию «старого» и «нового» либерализмов. По мнению И.Ф. Гиндина, до конца XIX в. буржуазия как класс о себе не заявляла, оставаясь политически не оформленной. Поэтому программа буржуазных преобразований возникла в России не в буржуазной, а в дворянской среде (декабристы, дворянская интеллигенция, обуржуазившиеся помещики). Настоящий буржуазный либерализм возник в России лишь на рубеже XIX—XX вв. в среде буржуазной интеллигенции в форме легального марксизма. Оспаривая эту точку зрения, Е.Д. Черменский утверждал, что либерализм был один, а образование Союза освобождения, предшественника Конституционно-демократической партии, «было только этапом в развитии земско-либерального движения». Тем не менее теория «двух либерализмов» широко распространилась и получила подробное обоснование в монографии К.Ф. Шацилло 9.

Концепция «нового либерализма» получила дальнейшее развитие в работах В.В. Шелохаева. По его мнению, «новый либерализм» теоретически наметил «варианты согласования интересов различных классов и социальных страт через законодательные механизмы и переговорный процесс». Иными словами «новый либерализм» — это прежде всего «социальный либерализм». Эту мысль подробно обосновывает О.А. Харусь |0. И.Н. Сиземская считает сутью «нового либерализма» обеспечение не только свободы, но и социальной справедливости благодаря гарантии каждой личности государством минимума социальных благ.

Содержание понятия «социальный либерализм» в свое время было подробно раскрыто П.Б. Струве, который выявил исторические корни этого идейного течения, назвав среди его предшественников Ж. Сисмонди, Дж. Милля и Л. Brentано, а среди теоретиков и практиков начала XX в. — Д. Ллойд Джорджа и Ж. Клемансо 12.

Где, однако, проходит грань между «новым» (социальным) либерализмом и социализмом? Струве в 1932 г. (то есть уже познакомившись с реальным социализмом советского типа) видел ее в том, что социальный либерализм допускает государственное вмешательство в хозяйственную жизнь лишь как одно из средств обеспечения достойного человеческого существования и отличается подчеркнутым утверждением «самоопределения личности во всем, в том числе и в хозяйственных делах» |3. Как виделась эта грань в начале XX века? И кем, все-таки, ощущали себя конституционные демократы в большей степени: либералами или социалистами? Оба указанных направления сформировались в русской общественно-политической мысли задолго до появления партии Народной свободы. Чьими же наследниками видели себя кадеты?

Становление либерализма в России в середине XIX в. обычно связывают с деятельностью западников; ближе всех к классическому либерализму западного типа был М.Н. Катков конца 1850-х — начала 1860-х годов. Однако его ярко выраженный консерватизм 1870—1880-х годов сделал знаменитого публициста фигурой неприемлемой для конституционных демократов. Кадеты никогда не считали Каткова своим предшественником и относились к нему как к политическому мыслителю сугубо отрицательно.

Представителем «буржуазного либерализма» последней трети XIX в. считается Б.Н. Чичерин, во взглядах которого первоначально апология государства сочеталась со стремлением сохранить сословную организацию дворянства, что сближало его с консерваторами. Однако в 1860—1870 годах Чичерин перешел «от государственничества к защите индивидуальной свободы», частной собственности и последовательному экономическому либерализму 14, стал

24

критиковать социалистическое учение. Идеи его труда «Собственность и государство» не были востребованы конституционными демократами и не нашли отражения ни в программе партии, ни в кадетской публицистике. Никто из кадетских лидеров не называл Чичерина идейным предшественником партии. Струве, более, чем кто-либо другой из кадетов, идейно близкий к Чичерину, перечисляя основные его труды, вообще не упомянул «Собственность и государство» |5. Это не случайно: кадеты полностью игнорировали «буржуазный» либерализм как течение русской общественно-политической мысли. Как утверждал в 1903 г. на съезде «освобожденцев» (будущих кадетов) С.Н. Булгаков, «в России почти не существовало и не существует (за единичными исключениями) представителей так называемого чистого, то есть антидемократического, или буржуазного либерализма». Булгаков считал это положительным явлением |6.

Действительно, последовательный экономический либерализм «чичерин-ского типа» не получил в России распространения. Более того, отстаивание позиций экономического либерализма привело самого Чичерина к изоляции в либеральном лагере, поскольку русский либерализм практически изначально был социальным.

Наиболее известным теоретиком русского социального либерализма второй половины

XIX в. был К.Д. Кавелин. Либеральный принцип экономической свободы он пытался уравновесить механизмом «распределительной справедливости», что отвечало убеждениям большинства либералов той эпохи и совпадало с редакционной линией идеологического рупора либерализма — журнала «Вестник Европы». Как показал В.А. Китаев, ведущие публицисты «Вестника Европы» (К.К. Арсеньев, А.Н. Пыпин и др.) с симпатией относились к социализму, отмежевывались от «общеевропейского буржуазного либерализма» с его защитой интересов буржуазии, выступали за широкое государственное вмешательство в социально-экономические процессы (вплоть до ограничения частной собственности «в видах общественной пользы»).

Казалось бы, такое сходство позволяло конституционным демократам считать либералов 1870—1880-х годов своими прямыми предшественниками, тем более что, например, Кавелин общался с некоторыми видными в будущем кадетами (Ф.И. Родичевым, Д.И. Шаховским), а Струве в юности посещал литературный салон К.К. Арсеньева 18. И все же ни на партийных съездах, ни в пропагандистских изданиях партии Кавелин и круг «Вестника Европы» не фигурировали в качестве предтеч конституционных демократов. Не уделялось им внимания и как теоретикам либерализма. Анализ французского (1907 г.) издания книги П.Н. Милюкова «Русский кризис» (с характеристикой консерватизма, либерализма и социализма в России) показал, что Кавелин для лидера кадетов — всего лишь «журналист». В этой связи А.И. Нарезный указывает на невнимание Милюкова к исканиям либералов второй половины XIX века 19. Чем же было вызвано это невнимание? Напрашивается предположение о том, что конституционным демократам была ближе не либеральная, а иная, социалистическая, идейная традиция.

Одним из основоположников русского социализма был Герцен. Именно его и вспомнил в своей концептуальной речи на I съезде партии лидер левых кадетов М.Л. Мандельштам 20. По мнению исследователей, политическая генеалогия вождя кадетского центра, Милюкова, также восходит к Герцену. Струве, идеолог правых кадетов, находил в произведениях Герцена (его он характеризовал как «великого русского либерала и великого русского социалиста») сущность мировоззрения партии. При этом Струве в статье «Идейные основы партии народной свободы» (опубликованной в кадетском офицозе) апеллировал именно к наследию Герцена-социалиста — как сторонника эволюционного пути к социализму 21.

Герцен был идейным вдохновителем организации «Земля и воля». Можно ли в какой-то мере считать ее предшественницей кадетской партии? Есть основания дать на этот вопрос скорее положительный, чем отрицательный ответ. Ведь единственный из доживших до 1905 г. активных землевольцев,

25

Л.Ф. Пантелеев, вступил именно в эту партию и даже вошел в Петербургский городской комитет кадетов.

О революционерах 1860-х — 1870-х годов левый кадет Мандельштам с явной симпатией отзывался как о представителях той русской интеллигенции, «которая жертвовала за народ своим счастьем и жизнью» и несла «знамя социалистических идей и идей политического освобождения». Но и центрист Милюков, выступая в 1900 г. на собрании памяти П.Л. Лаврова, «выразил свое сочувствие нелегальным политическим деятелям 70-х годов». При этом речь Милюкова достигла такого накала, что находившийся в числе слушателей студент Б.В. Савинков впоследствии говорил Милюкову: «Я, собственно, ваш ученик» 22.

Один из идеологов правых кадетов, А.С. Изгоев, также называл социализм «той колыбелью, в которой пестовалась наша политическая мысль» 23.

Господствующим идейным направлением в народничестве 1870-х годов был анархизм (бакунинского типа). Считая государство вообще злом, подлежащим уничтожению, опасность и вредоносность именно русского самодержавного государства народники усматривали в том, что оно искусственно насаждает в стране капитализм и создает

буржуазию. Между тем Россия может и должна избежать капитализма, поскольку сохранила готовый зародыш социализма — крестьянскую общину. С точки зрения семидесятников, буржуазия являлась реакционной силой наряду с самодержавием.

Возникновение такой своеобразной трактовки европейских социалистических идей следует поставить в связь с сословным составом народников. Ведь все крупнейшие теоретики «русского социализма», также как значительная часть рядовых участников движения, были дворянами 24. К буржуазии («чумазым» купцам из мужиков), ее психологии и поведению дворянская интеллигенция относилась крайне негативно и отчасти потому оказалась особенно восприимчивой к социалистической критике капиталистического общества. Подобные явления наблюдались и в Европе. К. Маркс и Ф. Энгельс назвали их «феодальным социализмом», отметив при этом, что в новой ситуации «аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса» 25. Специфика русского «феодального социализма» — народничества — состояла в том, что оно составляло свой «обвинительный акт» не в интересах рабочего класса (за неимением такового), а «в интересах крестьянства».

Идеи «русского социализма» оказали воздействие на формирование мировоззрения актива партии народной свободы. Член ее ЦК Е.М. Ещин вспоминал, что в гимназические годы определяющее влияние на него оказали «Шелгунов, Златовратский и другие народники». Убеждения члена кадетского ЦК Н.А. Каблукова сложились под влиянием произведений Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Член комитета кадетской фракции в III Думе А.А. Савельев называл среди «любимых писателей» молодежи его круга «Писарева, Шелгунова, Чернышевского» 26. Именно эти авторы оказали определяющее идейно-психологическое воздействие и на взгляды народников-семидесятников 27, в деятельности которых принял участие ряд будущих конституционных демократов.

«Семидесятником» был известный вятский кадет П.А. Шуравин. Несколько активистов нижегородской кадетской организации участвовали в хождении в народ, деятельности народнических кружков и проходили по «процессу 193-х». По этому же процессу был осужден будущий член Одесского комитета партии, видный революционер-семидесятник С.Л. Чудновский. Один из основателей кутаисской кадетской организации Г.Ф. Зданович в 1875 г. возглавлял «Всероссийскую социально-революционную организацию», на «процессе 50-ти» получил 6 лет 8 месяцев каторжных работ 28.

В деятельности «семидесятников» принимали участие представители старшего поколения конституционных демократов — те, кто родился в 1850-е годы. Доля этой возрастной группы в составе партии была невелика: в ЦК,

26

среди депутатов Думы и в местном кадетском активе заметно преобладала группа «сорокалетних» — те, кто появился на свет между 1860 и 1866 годами. Они оказались слишком юны, чтобы успеть «сходить в народ», однако политические процессы второй половины 1870-х, и особенно самоотверженная борьба «Народной воли» против самодержавия принадлежали к самым ярким впечатлениям их юности.

Студентами многие из них сами вошли в эту организацию или связанные с ней структуры. В народовольческом Центральном студенческом кружке в Петербургском университете, основанном А.И. Желябовым, состояли будущие видные кадеты, депутаты Государственной думы М.И. Шефтель (входил также в «Черный передел») и Д.А. Перелешин (в 1884 г. получил два года одиночного заключения в Петропавловской крепости). Один из лидеров партии народной свободы, И.В. Гессен, в студенческие годы входил в народовольческие организации Л.Я. Штернберга (Одесса) и А.Л. Гаусмана (Петербург). Известный публицист, член нижегородского губернского комитета кадетской партии В.Е. Чехихин-Ветринский в 1889 г. подвергался аресту за участие в студенческом народовольческом кружке в Петербургском лесном институте. Член ЦК Н.П. Василенко в 1890—1892 гг. участвовал в народовольческом кружке М.Д. Фокина в Киеве. Четыре

других члена ЦК, А.Н. Максимов, Милуков, В.В. Хижняков, Н.Н. Черненко прошли через созданную старым народовольцем М.А. Натансоном партию Народного права. Организатором революционных кружков в 1882—1886 гг. являлся будущей член Саратовского губернского комитета В.Н. Поляк. В народовольческий кружок в Воронежской гимназии в 1882—1883 гг. входили будущие конституционные демократы, депутаты Государственной думы П.Я. Ростовцев и С.А. Петровский. Членом ЦК народовольческой «Рабочей группы» был основатель иркутской кадетской организации И.И. Попов. По делу той же «Рабочей группы» в 1884 г. проходил будущий член кадетского Петербургского комитета И.М. Гревс. Агентом Исполнительного комитета партии «Народной воли» в молодости являлся член кадетского ЦК В.А. Караулов (отбывший четыре года каторги в Шлиссельбурге) 29.

Наличие в составе партии народной свободы такого ряда бывших членов «Народной воли» дало Изгоеву право сказать о тесных личных связях между кадетами и народовольцами. Более того, он утверждал, что кадетская партия находилась с «Народной волей» и в тесных «идейных связях». В качестве доказательства он ссылаясь на то, что программа народовольцев, изложенная в письме Исполнительного комитета Александру III, «была полностью, со всеми необходимыми дополнениями воспринята партией Народной свободы» 30.

Действительно, в письме Александру III Исполнительный комитет «Народной воли» (подобно будущим кадетам) требовал введения политических свобод и созыва народного представительства. В отличие от народников-анархистов 1870-х годов, отрицавших любое государство, в том числе демократическое, народовольцы считали возможным союз с земскими либералами в борьбе за конституцию и парламентаризм. В этом смысле партия народной свободы, объединившая для достижения этих же целей либеральных земцев и радикальную интеллигенцию (в том числе социалистического толка)¹, вполне могла считать себя наследницей «Народной воли».

В то же время народовольцы унаследовали от своих предшественников ненависть к буржуазии как искусственному порождению политики царского режима (то есть реформ Александра II). В упомянутом письме Александру III Исполнительный комитет обвинял правительство в том, что оно «открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников», а «все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает все в большее рабство, все более эксплуатируется» 31. Характерно, что эти пассажи не смутили Изгоева — правого кадета, то есть принадлежавшего к тому крылу партии, которое считается буржуазным.

Хотя организационно «Народная воля» была довольно быстро разгромлена, ее идеи еще долго пользовались популярностью в интеллигентской среде.

27

Это наследие (не террористические методы, а комплекс воззрений) взяли на вооружение так называемые либеральные народники 1880-х годов. Идеологически связующим звеном между ними и народовольцами послужил Н.К. Михайловский. Он обосновывал необходимость завоевания демократических свобод (путем политической борьбы с самодержавием) и их законодательного закрепления в конституции.

Подобно народовольцам и народникам-семидесятникам, либеральные народники считали появление капиталистических отношений и буржуазии искусственным и вредным следствием политики царизма зг. Русская промышленность — тепличное растение, выросшее под покровом таможенного протекционизма и правительственных субсидий, — была, по их мнению, неконкурентоспособна на внешних рынках из-за высокой себестоимости продукции. Внутренний же рынок все более сужался, поскольку основной покупатель — крестьянин — беднел. Таким образом, промышленный капитализм в России не имел никаких перспектив, и его поддержка самодержавием вела только к обнищанию народа.

Эта идеология повлияла на формирование воззрений деятелей партии народной

свободы, многие из которых приобщились к политике именно в народнических кружках 1880-х годов. Член ЦК кадетов Каблуков был близок к кружку М.К. Горбуновой, куда входили видные литераторы-народники Н.А. Златовратский, А.Н. Эртель, Г.А. Мачтет. Разделял взгляды либеральных народников член ЦК А.А. Мануйлов. Народником в 1880—1890-е годы был А.И. Шингарев. В эти же годы в народническом кружке В.Г. Короленко — Н.Ф. Анненского («Общество трезвых философов») видную роль играли будущие руководители нижегородской организации кадетов А.А. Савельев, Г.Р. Килевейн и П.А. Рождественский. Четверо членов кадетского ЦК (Д.И. Шаховской, А.А. Корнилов, В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург) и член Петербургского комитета И.М. Гревс вышли из «Приютинского братства», участников которого Т. Эммонс называет приверженцами либерально-народнических идей 33.

Один из «приютинцев», Корнилов, определял свои убеждения в 1880-е годы как народнические. В период пребывания в «Приютинском братстве» он увлекался идеями социализма, которые обсуждались членами братства. Наиболее привлекательным для «приютинцев» оказался толстовский вариант социализма («непротивление злу насилием») в сочетании с отрицанием государства, капитализма и верой в то, что в будущем утвердятся общественный характер собственности) м. Как вспоминал Д.И. Шаховской, Л.Н. Толстой «привлекал нас своим радикализмом» и «подведением нравственной основы под требования политического и социального обновления». Сам Шаховской в это время считал себя последовательным противником капитализма и социалистом 35. Толстовцем и анархистом в те годы был и будущий лидер правых кадетов В.А. Маклаков 36.

Близок к кругу либеральных народников был и Милюков. Он знал Михайловского, сошелся с В.А. Мякотинным и А.В. Пешехоновым (вместе с ним составлял проект конституции), регулярно печатался в журнале «Русское богатство» — органе либерального народничества. (В число постоянных авторов «Русского богатства» входили и другие видные в будущем кадеты — Кизеветтер, Каблуков, И.В. Лучицкий.) Однако относить Милюкова к народникам нельзя: по его признанию, он с университетских времен «считал идеологию народничества устарелой» и был убежден, что «европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды». В полемике против народников он оказывался ближе к марксистам. В то же время скорее народническим, чем марксистским концепциям созвучны его рассуждения о политическом бессилии русской буржуазии или даже ее «почти полном отсутствии» 37.

Но и среди марксистов того времени можно встретить имена будущих кадетов. Первой социал-демократической организацией в России являлся кру-

28

жок Д. Благоева, в который входили В.А. Кугушев и Н.А. Бородин, Последователь Г. В. Плеханова, будущий вождь левых кадетов Мандельштам создал в Поволжье ряд марксистских кружков. Именно от него услышал о Марксе В.И. Ульянов 38. В юности близок к социал-демократам был лидер екатеринбургских кадетов Л.А. Кроль. В 1888 г. являлся членом марксистского кружка в Дерпте Василенко, впоследствии — член кадетского ЦК. Другой член ЦК, В.Л. Оболенский в студенческие годы входил в марксистский кружок в Петербургском университете — вместе с А.Н. Потресовым, и в 1899 г. состоял в редакции марксистского журнала «Начало». Видными представителями марксизма в это время были будущие правые кадеты Струве, Изгоев, С.Л. Франк, Булгаков («легальные марксисты»).

Именно Струве начал в 1893 г. теоретический поход марксистов против народников, доказывая, что для движения по пути прогресса, преодоления культурной отсталости России естественно и необходимо пройти через стадию капитализма.

Подобная апологетика капитализма вызвала неприятие у Ленина 39. В целом «легальных марксистов» он оценивал как «буржуазных демократов», для которых разрыв с народничеством означал переход к «буржуазному либерализму» 40. Эта идея была развита

Гиндиным и Шаццелло, которые именно с «легальными марксистами» связывали появление в России буржуазного либерализма.

Однако эта концепция вызывает возражения. Во-первых, в принципе социализм не может быть идеологией буржуазии (даже если в политическом плане та или иная версия социализма на каком-то историческом этапе полезна определенным группировкам предпринимателей). Во-вторых, ярко выраженное признание культурно-политической прогрессивности капитализма характерно только для Струве, а отнюдь не для всех «легальных марксистов». Чтобы стать частью идеологии, учение должно найти признание и приверженцев [4], чего у Струве в этом вопросе как раз не было. В-третьих, провозглашая прогрессивность капитализма, Струве вовсе не говорил о прогрессивной роли российской буржуазии. Наоборот, ее он считал отсталой, и политическое освобождение связывал не с ней, а с рабочим классом⁴². Буржуазия же в прогнозе Струве не имела никакого будущего — ни политического, ни социального. В «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии» (1898 г.) Струве утверждал: «Русский пролетариат сбросит себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма»⁴³.

Таким образом, «легальный марксизм» Струве нельзя считать разновидностью «буржуазного либерализма». Сам он определял «ревизионистские» установки части русских марксистов как «элемент развития в направлении социального либерализма»⁴⁴.

Благодаря усилиям бывших легальных марксистов социальный либерализм стал важным компонентом идеологии Союза освобождения. В этой организации Струве и его единомышленники объединились с либеральными народниками и земцами-либералами. Чтобы обосновать естественность подобного конгломерата, идеологи «освобожденцев» стали утверждать, что «либеральная программа немыслима и невозможна без широкого плана социальных улучшений» и что «либерализм и социализм никоим образом нельзя отделять друг от друга: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны»⁴⁵.

Наиболее обстоятельно эту идею развивал Булгаков, воззрения которого в эпоху «Союза освобождения» определяются как «социалистический либерализм»: в это время он понимал социализм как форму либерализма и его логическое завершение*. Однако далеко не всех освобожденцев удовлетворяло причисление их к «либеральной партии». Милюков вспоминал, что его взгляды «были ближе к либеральному мировоззрению; но в области политической деятельности либерализм представлялся настолько неопределенным, колеблющимся и быстро отживающим течением, что отождествить себя с

29

ним было просто для меня невозможно». К тому же будущий вождь кадетов более «определенно» относился к социальным вопросам, хотя и не разделял «увлечений русских социалистических течений». В этой ситуации ближе всех для лидера конституционных демократов оказался английский «фабианский» (эволюционный) социализм, с которым он познакомился в Великобритании в 1903—1904 годах. Фабианцы полагали, что путь к социализму лежит через постепенное увеличение коллективной собственности, рост государственного и муниципального секторов экономики. С одним из «младших» фабианцев, Р. Макдональдом, Милюков свел личное знакомство⁴⁷.

Настороженное отношение к либерализму и симпатии к различным вариантам социалистического учения были характерны не только для Милюкова, но и для ряда других освобожденцев, в будущем — видных кадетов. Некоторые из них одновременно с членством в Союзе освобождения состояли в партии социалистов-революционеров или РСДРП.

Эсерами в свое время были члены ЦК кадетов И.Я. Пергамент (в 1905 г. за участие в революционном движении сосланный в Пермскую губернию), Ещин и Н.В. Некрасов. Будущий депутат Государственной думы кадет Н.И. Метальников в 1904 г. входил в Пензенский комитет ПСР. Лидер рыбинских конституционных демократов, присяжный поверенный А.И. Штейнберг в 1905 г. руководил местными эсерами. Пятеро видных

нижегородских кадетов (врачи В.Н. Золотницкий, Н.А. Грацианов, П.И. Мелибеев; адвокаты А.П. Пунинский и П.А. Рождественский), по полицейским данным за 1903—1905 гг., принадлежали к социалистам-революционерам. Принимал участие в деятельности эсеров и будущий председатель Нижегородского комитета кадетов, адвокат и земский деятель Г. Р. Килевейн. Покровительствовал эсерам видный земец, в дальнейшем лидер симбирских конституционных демократов, князь С.М. Баратаев. С 1902 г. состоял в партии эсеров ставший руководителем самарских кадетов А. К. Клафтон. Член самарского и уфимского губернских комитетов партии народной свободы В.А. Кугушев в 1901 г. участвовал в создании Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров 4S.

В РСДРП до 1905 г. работало заметно меньшее число будущих кадетов, чем в партии социалистов-революционеров. При этом в РСДРП состоял лишь один будущий член кадетского ЦК (В.А. Оболенский). В нижегородской кадетской организации только два активиста (врач А.В. Агапов и помощник присяжного поверенного В.Н. Серебренников) ранее, в 1904 г., входили в РСДРП. По другим губерниям известен лишь один кадет, в прошлом связанный с организацией РСДРП. Это депутат II Думы от Тверской губернии А.И. Бакунин 49.

Симпатии к народничеству, приобретенные в юности, многие кадеты сохранили до зрелых лет. Идеологическую близость кадетов и народников отмечали многие современники. Позицию кадетской газеты «Русские ведомости» Ленин оценивал как «правый кадетизм с народническим налетом», а направление «Русского богатства» — как «народнически-кадетское». Не отрицали свою близость к народничеству и сами конституционные демократы. Когда либеральные народники из круга «Русского богатства» создали Трудовую народно-социалистическую партию (ТНСП), кадетский центральный орган, отметив, что в «самой к.-д. партии немало убежденных социалистов», указал, что члены ТНСП («социал-народники») стоят обеими ногами на «кадетской» почве и сами социал-народники «в основе кадеты» 50. Понятно поэтому, что наследники народников, будь то народные социалисты или социалисты-революционеры, для будущих кадетов были ближе, чем критики народничества — марксисты.

Интересно, что, и вступив в конституционно-демократическую партию, некоторые освобожденцы по-прежнему состояли в ПСР или РСДРП. Подробные данные (все полицейского происхождения) о таком двойном (тайном) членстве имеются по нижегородской организации. Один из лидеров левых кадетов (с 1916 г. член ЦК партии) Ещин «в 1906 г. состоял председа-

30

телем комитета Нижегородской организации партии социалистов-революционеров; для конспирации же числился членом конституционно-демократической партии». Старый народник, а затем эсер Н.А. Грацианов «в 1906 г. состоял товарищем председателя комитета Нижегородской организации партии социалистов-революционеров», далее «занял одно из видных мест в рядах конституционно-демократической партии». Кадетский активист, бывший народник В.Н. Золотницкий одновременно в 1907 г. вел работу в комитете партии эсеров. Как эсер и кадет отмечен в источниках арзамасский врач П.И. Мелибеев. Кадет (городской агроном) А.А. Вялов был «в 1909 г. подвергнут обыску, причем у него обнаружено 178 брошюр нелегального и тенденциозного содержания, из коих 12 брошюр с девизом партии социалистов-революционеров, револьвер системы Смит и Вессон и 45 шт. к нему патронов». (Прямая иллюстрация к шутке той эпохи о том, что эсер — это тот же кадет, только с бомбой.)

Значительно реже возникали ситуации с двойным членством в социал-демократии. В нижегородской организации известен такой случай: адвокат Серебренников в 1904 г. входил в комитет РСДРП, а весной 1906 г. являлся также и членом комитета у кадетов. Но такое совмещение продолжалось недолго. Уже осенью 1906 г. он порвал с конституционными демократами и окончательно перешел к социал-демократам 51].

Конечно, двойное членство левых кадетов представляло скорее исключение, чем

правило. Однако и в Оренбурге кадетская организация была создана при активном участии местных эсеров. Социалисты-революционеры широко использовали митинги, «организуемые под лозунгами кадетов, и их печать в своих интересах». Газета «Оренбургский край», заявленная как орган кадетской партии, фактически превратилась в «рупор социалистических идей» 52.

Некоторые историки скептически относятся к подобным данным, считая их плодом некомпетентности полицейских агентов. Однако по мнению А.Я. Авреха, документы Департамента полиции, относящиеся к революционному движению, хотя они и тенденциозны, тем не менее «для версии о некомпетентности не дают никаких оснований» 53. Объяснение «двойного членства» заключается, видимо, в том явлении, которое Нарский называет «ситуацией партийной нерасчлененности»: в провинции в 1905—1907 гг. на авансцену политической жизни выдвинулся «общеопозиционный тип деятеля», не чуждавшегося работы в помощь и социал-демократам, и эсерам, и кадетам. Не случайно, например, конспиративная переписка Донского комитета РСДРП хранилась у председателя ростовских кадетов И.Г. Когана, Шингарев по просьбе воронежских большевиков выступал третейским судьей в их прениях с местными эсерами, арзамасский кадет А.А. Богодуров в письме к члену нижегородского комитета РСДРП Н.А. Олигер просил выслать социал-демократическую, эсеровскую и кадетскую литературу «по возможности поровну», а посредником между ними выступал эсер Н.Н. Ребровский 54.

Партийная нерасчлененность являлась следствием нелегального статуса РСДРП и ПСР. Из-за него открытые партийные собрания не проводились, четкая документация по учету личного состава не велась. Поэтому партийное членство в эсеровской и социал-демократической партиях имело во многом условный характер. Но и кадетам было отказано в легализации. Таким образом, провинциальная оппозиционная интеллигенция представляла собой единое в идейно-политическом плане «поле», «полюсами притяжения» в котором были комитеты ПСР, РСДРП и кадетов. Между ними (иногда и внутри них) шла острая идеологическая борьба (особенно в период избирательных кампаний), которая, однако, не исключала взаимопомощи.

Размежевание внутри этого общеопозиционного массива часто было обусловлено не идеологической, а возрастной несовместимостью. Интеллигенты-социалисты старшего поколения, как правило, уже обзавелись семьями, добились профессиональных успехов и определенного (нередко — высокого) уровня достатка. Они не хотели рисковать этими достижениями,

31

работая в подпольных структурах РСДРП или ПСР, под руководством годившихся им в сыновья недоучившихся студентов (а именно исключенные из университетов участники студенческих волнений 1896—1901 гг. составили костяк провинциального актива революционных партий). Поэтому поколению «сорокалетних» предпочтительнее был статус «беспартийного социалиста». Именно эти «беспартийные социалисты» составляли большинство в социалистическом крыле Союза освобождения. Они же затем устремились в партию кадетов, которая оказалась для них наиболее привлекательной. Член кадетского ЦК Некрасов в связи с этим вспоминал: «Я вступил в к.-д. партию в 1905 году, при основании ее, вместе с целой группой товарищей — беспартийных социалистов из состава бывш[его] Союза освобождения» 55. Об этом же на VII съезде кадетской партии в 1917 г. говорил Н.О. Лосский («в нашу партию в 1905 г. очень многие переключивались из Союза освобождения, определенно заявляя о своих социалистических симпатиях») 56.

Таким образом, если попытаться составить идеологическую родословную партии народной свободы, то среди ее предшественников придется назвать в основном социалистов разных оттенков (преимущественно народнического толка). В 1903—1904 гг. некоторые идеологи Союза освобождения, непосредственно предшествовавшего кадетской партии, обосновывали общность социалистического и либерального идеалов. Итогом синтеза либерального и социалистического начал явился «социальный

либерализм» Струве и его единомышленников.

В результате основными элементами идеологии партии народной свободы стали: 1) народнический эволюционный социализм; 2) социальный либерализм с его стремлением примирить либеральные ценности в политике и социально ориентированную экономику. Между ними занял свое место социальный реформизм социалистического типа, не связанный, однако, жестко с какой-либо определенной доктриной.

Примечания

1. История национальных политических партий России. М. 1997, с. 339; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М. 1999, с. 40, 20.
2. ПАЙПС Р. Собственность и свобода. М. 2000.
3. ПУШКАРЕВА Ж.Ю. Кадеты и избирательные кампании в Государственную думу I—IV созывов. Канд. дисс. М. 1998, с. 22.
4. КУВШИНОВ В.А. Кадеты в России и за рубежом. М. 1997, с. 24, 25.
5. СПЕРКАЧ А.И. П.Н. Милюков против правых кадетов. В кн.: П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М. 2000, с. 398; ЛЕОНОВ С.В. Партийная система России (конец XIX в. - 1917 г.). - Вопросы истории, 1999, № 11-12; СЕДУГИН В.И. Кадеты Поволжья о социализме. В кн.: Вторые Петровские чтения. СПб. 2001.
6. ХАРУСЬ О.А. Либерализм в Сибири начала XX в. Докт. дисс. Томск. 1998, с. 17.
7. См. П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат, с. 457; ЛЕОНТОВИЧ В.В. История либерализма в России. М. 1995.
8. Essays on Russian Liberalism. University of Missouri Press. 1972, p. 2, 139; ГАЛАЙ Ш. Конституционалисты-демократы и их критики. — Вопросы истории, 1991, № 12, с. 6.
9. ГИНДИН И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. — История СССР, 1963, № 2, с. 78, 79; ЧЕРМЕНСКИЙ ЕД. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М. 1970, с. 10; ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. М. 1983, с. 26-30, 58-60 и др.
10. ШЕЛОХАЕВ В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М. 1991; ШЕЛОХАЕВ В.В. Либеральная модель переустройства России. М. 1996, с. 4—5. См также: ХАРУСЬ О.А. Либерализм в Сибири начала XX века. Томск. 1996, с. 7—9, 23, 222.
11. СИЗЕМСКАЯ И.Н. «Новый либерализм». В кн.: Русский либерализм: исторические судьбы, с. 211-212.
12. СТРУВЕ П.Б. Социальный либерализм. В кн. СТРУВЕ П.Б. Избр. соч. М. 1999. Автор выражает искреннюю признательность В.А. Китаеву за указание на эту статью. См. также: НАРСКИЙ И.В. Российский либерализм в европейском и национальном контексте. В кн.: История национальных политических партий, с. 349.
13. СТРУВЕ П.Б. УК. соч., с. 413.
14. М. КИТАЕВ В.А. Либеральная мысль в России (1860—1880 гг.). Саратов. 2004, с. 93, 150, 151, 157.
15. СТРУВЕ П.Б. Б.Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности. В кн.: СТРУВЕ П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М. 1997, с. 451-459.
16. Либеральное движение в России. 1902—1905 гг. М. 2001, с. 38.
17. КИТАЕВ В.А. УК. соч., с.157, 178-181, 179, 315, 353, 355.
18. ШЕЛОХАЕВ В.В. Дмитрий Иванович Шаховской. — Отечественная история, 2001, № 6, с. 108; ПАЙПС Р. Струве: левый либерал. Т. 1. М. 2001, с. 42.
19. НАРЕЖНЫЙ А.И. П.Н. Милюков об истоках либерализма в России. В кн.: П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат, с. 247.
20. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. М. 1997, с. 29.

21. НАРЕЖНЫЙ АИ. УК. соч., с. 248; Вестник партии народной свободы (ВПНС), 1906, № 36, стб. 1874—1878. См. также: СТРУВЕ П.Б. Герцен. — Русская мысль, 1912, № 4.
22. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1, с. 30; ПЕРЕГУДО-ВА З.И. Департамент полиции и П.Н. Миллюков. В кн.: П.Н. Миллюков: историк, политик, дипломат, с. 421; МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. М. 1990. Т. 1, с. 208.
23. ИЗГОЕВ А.С. Наши политические партии. Пг. 1917, с. 4—6.
24. ЛУРЬЕ Л.А. Эволюция численности, сословного, профессионального и возрастного состава деятелей русского освободительного движения на дворянском и разночинском этапах. Автореферат канд. дисс. Л. 1988, с. 10.
25. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Коммунистический манифест. В кн.: МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Избр. произведения. Т. 1. М. 1985, с. 128.
26. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 553, оп. 1, д. 216, л. 141, 122; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996, с. 234.
27. КОЛЕСНИКОВА Л.А. Мемуары революционеров 1870-х годов об идейно-психологическом воздействии на них литературы. — Вопросы истории, 2005, № 5, с. 97—99.
28. НАРСКИЙ И.В. Русская провинциальная партийность. Ч. 1. Челябинск. 1995, с. 120; Съезды и конференции. Т. 1, с. 729; Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. Т. 1. М. 1994, с. 32; СЕРКОВ А.И. Русское масонство. М. 2001, с. 342.
29. ГЕССЕН И.В. В двух веках. — Архив русской революции. Т. 22. Берлин. 1937 (М. 1993), с. 49-51, 58-59; ШАЦИЛЛО К.Ф. УК. соч., с. 58. АКИНЬШИН А.Н. Сергей Антонович Петровский в общественной жизни Воронежа конца XIX — первых десятилетий XX века. В кн.: Общественная жизнь в центральной России в XVI — начале XX в. Воронеж. 1995, с. 139; Деятели СССР и революционного движения в России. М. 1989, с. 335—343; СЕРКОВ А.И. УК. соч., с. 163, 377.
30. ИЗГОЕВ А.С. УК. соч., с. 38, 8.
31. «Народная воля» и «Черный передел». Л. 1989, с. 332.
32. См. МАЛИНИН В.А. История русского утопического социализма. М. 1991, с. 225—229.
33. ХАЙЛОВА Н. Каблуков Николай Алексеевич. В кн.: Политические партии России, с. 234; ХОТЕЕНКОВ В. «Уравновешенная натура духовного европейца». — Высшее образование в России, 2002, № 3, с. 118; МАКАРОВ В.В. Трудный путь к «политической благонадежности». — Исторические записки, Воронеж, 2002, Вып. 8, с. 109—111; История СССР, 1985, № 6, с. 190.
34. ШЛЯХОВ М.Ю. Приютинское братство. В кн.: Век XX: историография, источниковедение, региональная история России. Нижний Новгород. 2004, с. 115; ЕГО ЖЕ. Общественно-политическая деятельность и научные взгляды А.А. Корнилова. Автореф. канд. дисс. Нижний Новгород. 2002, с. 13; МАЛИНИН В.А. УК. соч., с. 206-214.
35. ШАХОВСКОЙ Д.И. Письма о Братстве. — Звенья. Вып. 2. М.-СПб. 1992, с. 281; ШЕЛОХАЕВ В.В. Дмитрий Иванович Шаховской. — Отечественная история, 2001, № 6, с. ПО.
36. ДЕДКОВ Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. В кн.: Русский либерализм: исторические судьбы, с. 537.
37. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. Т. 1, с. 207, 158; ЕГО ЖЕ. История второй русской революции. М. 2001, с. 18.
38. ДЕДКОВ Н. Мандельштам Михаил Львович. В кн.: Политические партии России, с. 340.
39. Подробный разбор взглядов Струве по этой проблеме см.: ЛЕНИН В.И.

- Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. В кн.: ЛЕНИН В.И. Избр. соч. Т. 1. М. 1984, с. 348—349; ПАЙПС Р. Струве: левый либерал, с. 50—176.
40. См.: ШАЦИЛЛО К.Ф. УК. соч., с.58.
41. Модели общественного переустройства России. XX век. М. 2004, с. 13.
42. См.: ПАЙПС Р. Струве: левый либерал, с. 97—98.
- 2 «Вопросы истории» № в
33
43. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М. 1983, с. 16.
44. СТРУВЕ П.Б. Социальный либерализм, с. 419—420.
45. Либеральное движение, с. 71, 39. "
46. См. КИСЕЛЬНИКОВА Т.В. Проблемы социализма в либеральной общественно-политической мысли России на рубеже XIX—XX веков. Томск. 2001, с. 38—39.
47. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания, т. 1, с. 232-234.
48. СЕРКОВ А.И. УК. соч., с. 633; ШЕЛОХАЕВ В.В. Николай Виссарионович Некрасов. — Вопросы истории, 1998, № 11-12, с. 81; СТОЯНОВ Ф.В. Выборы в Государственную думу в губерниях Среднего Поволжья (1906—1912 гг.). Канд. дисс. Пенза. 2005, с. 51; БИКТА-ШЕВА Н. Из истории политической жизни Рыбинска в начале XX века. В кн.: X Золотаревские чтения. Рыбинск. 2004, с. 185; Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX в. Т. 1. Нижний Новгород. 2001, с. 160, 209; ТОЧЕНый Д.С., ТОЧЕНАЯ Н.Г. Исторические портреты, очерки и фельетоны. Ульяновск. 2001, с. 115—117; СЕДУГИН В.И. Большевики Поволжья против кадетов. Саратов. 1990, с. 22; ПИСАРЕНКО Э.Е. Кадет князь В.А. Кугушев. — Вопросы истории, 1997, № 2, с. 151.
49. КУВШИНОВ В.А. УК. соч., с. 25; Общественно-политические процессы, партии и движения, с. 107, 212; СЕРКОВ А.И. УК. соч., с. 81.
50. ЛЕНИН В.И. Поли. собр. соч., т. 23, с. 193; т. 48, с. 4; ШИФ Л. Народно-социалистическая партия. - ВПНС, 1.П.1907, № 9, стб. 582-595.
51. Общественно-политические процессы, партии и движения, т. 1, с. 156, 158, 164, 236; т. 2, с. 62.
52. САФОНОВ Д.А. Политические партии в Оренбургской губернии в начале XX века. В кн.: Политические партии в российских революциях в начале XX века. М. 2005, с. 426, 430.
53. АВРЕХ А.Я. Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы первой мировой войны. — История СССР, 1987, № 6, с. 36.
54. НАРСКИЙ И.В. УК. соч., ч. 1, с. 145; ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА Т.В., СКОРИК А.П. Первые шаги Донской организации кадетской партии. — Вопросы истории, 2004, № 12, с. 136; РОЖКОВ Г.А. Радикальный либерализм в центральном Черноземье накануне революции 1905—1907 гг. — Труды Тамбовского филиала юридического института МВД России за второе полугодие 2000 года. Вып. 3. Тамбов. 2000, с. 64; Центральный архив Нижегородской области, ф. 918, оп. 1, д. 597, л. 49.
55. Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. — Вопросы истории, 1998, № 11-12, с. 21.
56. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М. 2000, с. 384.